

Романько О.В.

АРАБЫ В ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ (1941 – 1943): ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ВОЕННЫЙ АСПЕКТЫ ВОПРОСА

12 февраля 1941 г. на североафриканском побережье высадился немецкий Африканский корпус генерал-лейтенанта Э. Роммеля. Это, с военной точки зрения, не столь уж важное событие, тем не менее по своему политическому значению явилось апогеем немецких ближневосточных устремлений.

Ближний Восток, со своими богатыми нефтяными месторождениями, уже начиная с конца XIX в. являлся яблоком раздора между ведущими европейскими государствами: Великобританией и Францией с одной стороны и Германией – с другой.

Придя в 1933 г. к власти, правительство национал-социалистов в ближневосточном вопросе придерживалось такого же направления, как и кайзеровская Германия.

Уже 7.08.1939 г. в беседе с представителями Англии рейхсминистр Геринг заявил, что “Ближний и Средний Восток – это естественная экономическая сфера Германии и представляет для нее жизненно важную проблему”. От Англии требовалось признать этот регион “сферой влияния” Германии. Таким образом, еще перед второй мировой войной расчеты гитлеровского руководства были направлены на то, чтобы лишить Англию любой ценой арабской нефтиⁱ.

После начала разработки в июле 1940 г. плана “Барбаросса” (план войны против СССР) ближневосточный регион приобрел еще и военное значение как стратегический плацдарм для выхода с тыла в советское Закавказье с последующим соединением с войсками, наступающими через европейскую часть СССРⁱⁱ.

Пытаясь проникнуть в Северную Африку и на Ближний Восток, Германия использовала старый прием – поддержку местного арабского населения в его борьбе против англо-французских колонизаторов. К 1941 г. была резко усилена идеологическая обработка населения в странах Ближнего и Среднего Востока. Клеймя плутократов-колонизаторов, немецкие пропагандисты (в основном сотрудники разведцентров) от имени военно-политического руководства Третьего рейха обещали населению этих стран, что победа Германии над Англией и Францией принесет им освобождение от колониального ига.

Немецкая агентура в странах Ближнего и Среднего Востока усилила поиски контактов с самыми различными враждебно настроенными к англичанам и французам группами, надеясь сделать их орудием своей политики.

Надо сказать, что подобные действия были типичны для внешней политики нацистов: во всех странах, которые должны были подвергнуться их агрессии, они пытались создать “пятую колонну” из недовольных центральным правительством. В мирное время эти люди занимались шпионажем в пользу Германии, а во время войны либо входили в состав оккупационной администрации, либо становились участниками так называемых “добровольческих формирований”. Последние же были, да и сейчас остаются, одним из самых интересных и малоизученных явлений нацистской оккупационной политики. Это касается и арабских подразделений в германских вооруженных силах.

По целому ряду причин процесс их формирования и использования отличался от подобных аналогичных процессов в Европе и на оккупированных территориях СССР, имея в своей основе чисто политические и военные мотивы, которые то шли параллельно, то пересекались. Попытка рассмотреть эти мотивы, которые явились причиной создания арабских добровольческих формирований в германских вооруженных силах, их историю и является целью данной работы.

В апреле-мае 1941 г. “Африканский корпус” Роммеля вышел к границам Египта, создав тем самым благоприятную обстановку для усиления подрывной и пропагандистской деятельности в странах Ближнего и Среднего Востокаⁱⁱⁱ.

С целью планомерного развития этой деятельности (включая и военные средства) Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) 23.05.1941 г. издало специальную директиву №30 под заглавием “Средний Восток”^{iv}. Эта директива была разработана группой генералов генштаба оперативного руководства ОКВ и подписана Гитлером.

Мероприятия, предусмотренные директивой, были направлены на подготовку политической почвы на Арабском Востоке, а по возможности – и стратегических позиций для проведения после планируемого разгрома СССР гигантского охватывающего маневра силами “Африканского корпуса” из Египта и другой группировкой войск из Закавказья или Турции. Эти планы нашли более конкретное отражение в директиве ОКВ №32 “Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбаросса”” от 11.06.1941 г.^v.

В целях координации всех мероприятий на Ближнем и Среднем Востоке был создан “Особый штаб Ф” под руководством генерал-майора авиации Г. Фельми^{vi}. В его задачи входило руководство диверсионной деятельностью, агентурной разведкой и т. п. Однако главным аспектом его деятельности было формирование, обучение и использование специально созданных частей из коренных народов Ближнего и Среднего Востока, а также Кавказа.

Этому последнему вопросу была посвящена изданная 21.06.1941 г. в дополнение к директиве

№32 директива №32а “Обязанности зондерштаба “Ф” (генерал авиации Фельми)”. В ней, помимо всего прочего, подчеркивалось, что вторжение на Ближний и Средний Восток в нужное время предполагается подкрепить спровоцированными волнениями и восстаниями^{vii}.

Генерал Фельми и возглавляемый им штаб были, таким образом, фактическими руководителями всех будущих арабских соединений. Однако требовалось найти номинального главу и представителя всех прогермански настроенных арабов, желательно - из антибритански настроенной местной верхушки. И здесь нацисты, верные своей политике “разделяй и властвуй”, сделали ставку сразу на двух лидеров.

Одним из них был великий муфтий Иерусалима Хаджи Мухаммед Амин аль-Хуссейни. Как пишет современный исследователь Г. Концельман, именно муфтий был тем человеком, который “...нашел слова, необходимые для того, чтобы мобилизовать мусульманское самосознание. Ему и его сторонникам удалось создать значительные трудности для британского управления протекторатом (Палестиной)”^{viii}.

После кровавых столкновений арабов с евреями в Иерусалиме в 1929 г. британский военный суд приговорил великого муфтия к 10 годам тюрьмы. Духовный лидер бежал, позднее был помилован и возвратился назад^{ix}.

Аль-Хуссейни пытался создать основу для палестинского государства после ухода англичан. Для этого в 1936 г. он основал Высший арабский комитет. Этот орган потребовал от англичан, чтобы немедленно был запрещен дальнейший въезд евреев в Палестину. Англичане ответили отказом и преследованием комитета. Великий муфтий, переодевшись нищим, бежал в Бейрут, затем через Сирию, Ирак и Иран он в середине 1941 г. достиг Берлина^x.

Еще находясь в Багдаде, 20.01.1941 г. великий муфтий написал Гитлеру письмо, где говорил о решении арабов развернуть борьбу против Англии, если им будет гарантирована материальная и моральная поддержка.

8.04.1941 г. по поручению Гитлера ему ответил статс-секретарь МИДа Вайцзекер. В его письме было дано согласие на финансовую и военную помощь и даже планировались поставки оружия, если найдутся пути его доставки^{xi}.

В ночь с 29 на 30.04.1941 г. произошли события, показавшие, что такой путь может быть найден. В ответ на ввод английских войск в Ирак, его премьер-министр Рашид Али аль-Гайлани начал против них военные действия, положив начало так называемой “30-дневной войне”. Одновременно с разрывом отношений с Англией, иракское правительство обратилось к Гитлеру с просьбой об оказании военной помощи, на первое время в виде авиации. Однако уже 29.05. война была окончена. Правительство Ирака во главе с аль-Гайлани, а также находившийся в Ираке великий муфтий, скрылись в Иране, а затем перебрались в Берлин, где бывший премьер-министр Ирака также стал высказывать претензии на лидерство в арабском мире^{xii}.

Поначалу германское правительство придавало решающее значение сотрудничеству муфтия и аль-Гайлани, в первую очередь потому, что при вторжении в арабский регион оно рассчитывало с их помощью оказывать влияние на вождей племен и создавать противовес английской пропаганде.

С их помощью ОКВ установило в странах Арабского Востока тесные контакты с лидерами многих правительств и главами мусульманского духовенства, используя их антибританские настроения в своих целях. В частности, аль-Гайлани и великий муфтий готовили создание “иракско-арабской армии” под эгидой командования вермахта и под его руководством, с использованием при этом Германией национальных материальных средств и природных ископаемых арабских стран^{xiii}. От имени Гитлера им было сообщено, что, в соответствии с директивой ОКВ №30, они могут считать “Арабский легион”, который предполагалось создать при штабе “Ф”, ядром будущей “иракско-арабской армии”. В эту армию “планировалось включить 3 иракские, 1 сирийскую и 1 палестинско-трансирданскую дивизии”^{xiv}.

Для обработки и обобщения материалов по Ближнему Востоку в начале 1942 г. при МИДе Германии был создан “арабский комитет”, председателем которого стал Ф. Гробба, дипломат с большим стажем работы на Ближнем Востоке. Одновременно он являлся “особоуполномоченным по арабским странам при “особом штабе “Ф”, со дня его основания”^{xv}.

28.11.1941 г. в Берлине состоялась встреча между Гитлером и великим муфтием. Стремясь добиться согласия на провозглашение Германией декларации, которая бы гарантировала независимость арабским странам, муфтий предложил сформировать “Арабский легион” и включить его в состав вермахта для совместной борьбы против Англии.

В декларации Гитлер отказал, мотивировав это тем, что “господа (дипломаты), очевидно, совершенно забыли, что такого рода обращения – до тех пор, пока мы не выйдем к Мосулу – совершеннейшая чушь и нелепость, ибо англичане просто перебьют всех тех арабов, которые выступают в поддержку наших операций”^{xvi}. А вот к созданию легиона Гитлер отнесся с интересом, т.к. это соответствовало задачам, указанным в директиве №32.

В последовавшей затем беседе с Гроббой муфтий предложил для укомплектования легиона:

- 1) палестинских арабов, попавших в плен к немецким войскам;

- 2) арабских офицеров из Сирии, Палестины и Ирака, нуждавшихся в переезде из Турции в Германию;
- 3) военнопленных арабов из французской Северной Африки, находившихся на оккупированной территории Франции;
- 4) арабов – выходцев из Северной Африки, проживавших во Франции;
- 5) связанных с муфтием “надежных” арабов из Марокко^{xvii}.

Военное руководство по рекомендации Гроббы ограничилось только лишь иракскими, сирийскими и палестинскими студентами, обучавшимися в учебных заведениях стран Европы, оккупированных Германией. Гробба рекомендовал направить будущий “Арабский легион” в подчинение штаба генерала Фельми.

В начале декабря 1941 г. аль-Гайлани встретился с главой МИДа И. фон Риббентропом. Он так же, как и муфтий, выпрашивал декларацию, а для себя лично признание премьер-министром Ирака. Ему было отказано. Однако 22.12. Риббентроп все же подписал и вручил ему письмо, в котором заверял о готовности как можно скорее “обсудить условия будущего сотрудничества между Ираком и Германией”^{xviii}. Тем не менее, вопрос о создании “Арабского легиона” не снимался с повестки дня.

4.01.1942 г. генерал Фельми посетил аль-Гайлани и муфтия. Во встрече участвовал и Гробба. Аль-Гайлани выразил желание заключить соглашение о “германо-иракском военном сотрудничестве”. Гробба и Фельми после переговоров составили проект этого соглашения. Аль-Гайлани и муфтий рассчитывали, что при вступлении вермахта “в арабское пространство” почти вся иракская армия (3 дивизии) присоединится к нему. Еще 1 – 2 дивизии можно будет сформировать из арабских добровольцев в Сирии. Они надеялись и на племена зоны Персидского залива, среди которых, по их мнению, можно было завербовать 10 тыс. “готовых сотрудничать с германскими войсками”. Надежные кадры дивизий и, соответственно, кадры младших командиров для них должны были “создаваться целенаправленно уже теперь, путем формирования “Арабского легиона”^{xix}.

Аль-Гайлани и муфтий обязывались поставлять для легиона людские ресурсы. Все остальные задачи брал на себя “особый штаб Ф”.

Первоначально легион был задуман как “школа младших командиров”, которая должна была подготовить из арабов 100 унтер-офицеров и младших лейтенантов. Последние, в свою очередь, должны были взять на себя подготовку следующей группы из 500-1000 человек. В дальнейшем большая часть младших командиров, согласно плану немецкого командования, должна была стать инструкторами вновь сформированных иракских и сирийских дивизий^{xx}.

Однако в этих проектах ни слова не говорилось о руководящей роли арабских лидеров, поэтому муфтий, не признанный в Берлине, отправился в Рим, где 07.05.1942 г. встретился с Муссолини, который в ходе беседы предложил ему сформировать “Арабский легион”, но с немаловажными коррективами (“независимое арабское воинское формирование”, под командой арабских офицеров и с арабским знаменем)^{xxi}.

Следует сказать, что антибритански настроенные арабские националисты все же охотнее прислушивались к Гитлеру, чем к Муссолини. Они надеялись, что победа Германии избавит их от господства Англии, но не без основания опасались, что Италия планирует занять место последней на Арабском Востоке^{xxii}.

Именно в этот период (апрель-июнь 1942 г.) взаимная неприязнь аль-Гайлани и муфтия, возникшая еще в период их совместного пребывания в Багдаде, настолько обострилась, что переросла в открыто враждебные взаимоотношения.

Эта вражда между двумя лидерами арабского мира отражалась на положении “германо-арабского учебного подразделения” при “особом штабе Ф”. Аль-Гайлани не соглашался сотрудничать с этим подразделением без подписания военного соглашения с Германией.

Более значительные преграды создавала позиция, которую занял летом 1942 г. муфтий. Имея в виду его неуступчивость, Гитлер как-то сказал: “...Наш союзник в этом регионе (Ближний Восток) – великий муфтий – при всем при том, что он ярый защитник своей нации, в политике всегда исходит из реальных интересов арабов, а не руководствуется какими-то нелепыми фантазиями”^{xxiii}. Не получив реальной поддержки ни от Германии, ни от Италии в своем стремлении к лидерству в арабском мире, он прекратил вербовку арабов для стран “оси”.

Таким образом складывалась политическая ситуация вокруг планов по созданию арабских частей в германских вооруженных силах. На деле же эти планы реализовывались совсем по-другому и с совершенно другими целями.

В первую очередь, они были связаны с уже упоминавшимся “особым штабом Ф”, о политической роли которого в этих событиях было сказано выше. Эта организация задумывалась, прежде всего, именно как штаб всех будущих соединений, которые будут сформированы из уроженцев Ближнего Востока и Северной Африки. Поэтому теперь, на наш взгляд, следует рассмотреть военную сторону его деятельности, которая была преобладающей.

Как уже было сказано, рабочий “Особый штаб Ф” был создан в мае 1941 г. Местом его

дислокации был избран лагерь на мысе Сунион в Южной Греции. Поскольку основным направлением деятельности этого штаба была работа с выходцами с Ближнего и Среднего Востока, его персонал был подобран соответствующим образом. Руководителем штаба, чье имя он носил, был генерал-майор авиации Г. Фельми, долгое время работавший военным инструктором в Турции и некоторое время в странах Тропической Африки. Начальником штаба был майор Р. Майер, служивший в свое время в Турции, Палестине, Ираке и Алжире. К штабу также был прикомандирован представитель абвера, офицер по особо важным делам Р. фон Нидермайер, известный специалист по Ближнему Востоку.

По рекомендации МИДа и лично фон Риббентропа “особоуполномоченным по арабским странам” при штабе был назначен упоминавшийся уже генерал Ф. Гробба, бывший с октября 1932 г. германским посланником в Багдаде, а с 01.01. по 03.09. 1939 г. – посланником в Саудовской Аравии. Таким образом, “Особый штаб Ф” непосредственно подчинялся ОКВ, а в вопросах политики его действия согласовывались с МИДОМ^{xxiv}.

Руководящим документом для штаба являлась “Служебная инструкция “Особому штабу Ф”, разработанная и подписанная 21.09.1941 г. заместителем начальника штаба оперативного руководства вермахта генералом Варлимонт. Согласно ей, штаб был наделен правами “центральной инстанции, занимающейся всеми вопросами арабского мира, касающимися вермахта”^{xxv}.

Согласно директиве №32, для усиления “особого штаба Ф” в его распоряжение намечалось передавать пополнение из числа арабов-националистов, вербовка которых была возложена на Р. Рана – ответственного сотрудника МИДа^{xxvi}. После прохождения специальной военной подготовки они должны были составить ядро будущих воинских формирований для корпуса особого назначения “Ф”. Формирование же последнего происходило следующим образом.

Первоначально в состав “Особого штаба Ф” входил контингент из 27 человек арабов и других ближневосточных народов (впоследствии их число планировалось довести до 200), а также 20 офицеров и 200 унтер-офицеров и рядовых вермахта, в основном служивших в дивизии специального назначения “Бранденбург”.

В конце мая – начале июня 1941 г. в Потсдаме из них было создано два небольших “соединения особого назначения” (Sonderverbande) №№287 и 288^{xxvii}. Они должны были иметь такую структуру, чтобы могли (независимо от того, действуют ли они в полном составе или группами) выполнять особо тяжелые задания, в том числе и в пустыне.

“Соединение №288” имело численность, примерно равную батальону, и состояло почти целиком из немцев, поэтому уже в июле-августе 1942 г. его перебросили в Северную Африку для укрепления “Африканского корпуса” Роммеля^{xxviii}.

Несколько иначе сложилась судьба “соединения №287”. Оно должно было стать ударной силой при захвате Ближнего Востока. Поэтому в его состав и входили, главным образом, выходцы оттуда.

Согласно “Служебной инструкции”, подготовка “соединения №287” предусматривала такие вопросы, как “обмундирование, вооружение, организация и состав организационных единиц”^{xxix}. Уже в июле 1941 г. “для использования в Большой Сирийской пустыне” была сформирована “учебная группа из арабов”. В нее вошли студенты-арабы, обучавшиеся в Германии, а также переведенные из Сирии антибритански настроенные военные.

Эти арабские добровольцы должны были войти в состав частей пропаганды, саботажа и шпионажа, которые назывались “командами смертников”^{xxx}. В 8 учебных группах разных родов войск “команды смертников”, одетые в военную форму вермахта, обучались немецкими офицерами, владевшими арабским языком.

“Соединение № 287” было полностью моторизовано. Поначалу в нем проходили службу 2200 солдат и офицеров. Кроме трех пехотных рот, в большинстве состоявших из палестинских немцев, в него входили еще многие подразделения различных родов войск, “оснащенные самым современным вооружением и снаряжением”. Оно было предназначено “в первую очередь для использования впоследствии” в боевых действиях “в Сирийской пустыне, в районе между Сирией и Ираком, где оно, будучи расчлененным на более мелкие боевые единицы, должно будет оперировать совместно с арабскими кадровыми и добровольческими силами”^{xxxi}.

В конце октября 1942 г. “соединение №287” было передислоцировано в Северную Африку, где в течение нескольких месяцев проходило “особую боевую подготовку”. В дальнейшем, в 1942 г., “Особому штабу Ф” должны были быть приданы еще 2-3 подобных соединения^{xxxii}.

К июлю 1942 г. в “учебной группе из арабов” проходило специальную военно-разведывательную подготовку 24 иракца, 112 сирийцев и палестинских арабов и 107 арабов из стран Магриба. Поэтому уже 20.08.1942 г. ОКВ принял решение приступить к развертыванию “особого штаба Ф” на базе “соединения №287” в корпус особого назначения “Ф” и перебросить его в резерв штаба группы армий “А” (наступающей на Кавказ) в Сталино (ныне Донецк). Согласно плану ОКВ, корпус, после вступления группы армий “А” в Тбилиси, подлежал переброске по железной дороге через Ростов-на-Дону на Кавказ и в дальнейшем должен

был наступать по направлению Западный Иран – Ирак с выходом к Персидскому заливу, к Басре^{xxxiii}.

29.08.1942 г. основная часть корпуса, находившаяся к этому времени в Румынии, прибыла в селение Майорское, близ Сталино, а к 03.10. корпус был уже полностью в Сталино и формально вошел в состав группы армий “А” (фактически подчиняясь ОКВ). С 31.10.1942 г. он учитывался как армейский корпус – самостоятельное подвижное соединение^{xxxiv}.

В корпусе “Ф” имелись подразделения и части всех родов войск, что позволяло ему действовать совершенно самостоятельно, без помощи и поддержки других соединений. В корпус входило три усиленных моторизованных батальона, насчитывавших каждый по тысяче солдат и офицеров; первый и второй батальоны были укомплектованы исключительно солдатами и офицерами вермахта; третий состоял полностью из арабов, обучавшихся в “учебном подразделении” “особого штаба Ф”. Каждый батальон по составу и вооружению, по тактическим и огневым возможностям приравнялся к полку. Кроме того, в корпус входили: отдельный танковый батальон (25 тяжелых и средних танков), авиаотряд (25 самолетов), рота связи, саперная рота, минометная рота, разведывательный отряд на бронемашинах и мотоциклах, кавалерийский эскадрон, взвод метеорологической службы, колонна автомобилей (“оппельблиц”). Артиллерия состояла из дивизиона четырехбатарейного состава, батареи 105-мм штурмовых орудий, тяжелого зенитного дивизиона трехбатарейного состава и легкого зенитного дивизиона 20-мм пушек. Имелись штаб и тыловые подразделения (санчасть, хлебопекарня, мясобойня, различные мастерские и т. п.)^{xxxv}.

Корпус был полностью механизирован и располагал возможностью при наступлении вермахта на Ирак вооружить целую дивизию из “добровольцев” и перебежчиков. В его составе были и специальные подразделения, укомплектованные немцами – бывшими солдатами “Иностранного легиона”^{xxxvi}.

Опознавательным знаком личного состава было изображение “овального венка, в венке – склоненная пальма, восходящее солнце над желтым песком пустыни, а внизу – черная свастика”.

Первоначально корпус насчитывал 6000 солдат и офицеров. После переброски на Кавказ он был развернут в еще большее соединение: ему были приданы дополнительные танковые батальоны, кавалерийский полк и другие подразделения.

Личный состав корпуса помимо военной и политической подготовки занимался изучением географии и истории стран Ближнего и Среднего Востока (особенно Ирана, арабских стран и Индии). За короткий срок солдаты изучали рельеф и природные условия этого региона, начиная от североиранской границы и кончая Индией. Солдаты и офицеры были обучены турецкому, персидскому, арабскому и другим восточным языкам; кроме того, они знали французский и английский, а солдаты – выходцы из ближневосточных стран (кроме студентов) – обучались и немецкому^{xxxvii}.

По планам ОКВ, корпус должен был выступить как ударно-штурмовое соединение и политический центр похода немцев на Кавказ и страны Ближнего и Среднего Востока. Личному составу вменялось в обязанность проводить разведывательно-диверсионную и пропагандистско-агитаторскую работу, заниматься подготовкой антисоветских восстаний на Кавказе.

Однако по прибытии на Кавказ корпус понадобился прежде всего как боевая единица. 03.10.1942 г. штаб группы армий “А” сообщил в штаб 1-й танковой армии о том, что корпус “Ф” переходит в подчинение ее командующего, а 05.10. отправил командованию корпуса “Ф” приказ о выступлении и предстоящем оперативном подчинении 1-й танковой армии, а также сводку размещения частей резерва ОКВ по состоянию на 05.10.

15.10. корпус под командованием генерала Фельми впервые вступил в бой на северном фланге 1-й танковой армии и севернее Ачикулак “вошел в боевое соприкосновение с сильной кавалерией” 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса^{xxxviii}.

Следует отметить, что решение ОКВ о передислокации “Особого корпуса Ф” и его боевых подразделений вместо Ближнего Востока на Кавказ, где он был втянут в позиционную войну, вместо своих прямых обязанностей, вызвало недовольство великого муфтия аль-Хусейни. Еще 29.08.1942 г. он, узнав о передислокации штаба, обратился с письмом к начальнику ОКВ генерал-фельдмаршалу Кейтелю, в котором весьма резко возражал против подобного решения. Не получив ответа, он вновь (в конце августа 1942 г.) попытался обратиться к итальянцам. Однако и здесь его ждало разочарование.

Аль-Гайлани же, наоборот, решил до конца идти с немцами. Выразив пожелание дальнейшего сотрудничества, он поставил лишь одно условие: предоставление письменного заверения в том, что командование иракской армии после овладения Кавказом и вступления вермахта в Ирак будет передано в руки иракских офицеров, а иракские добровольцы из корпуса “Ф” будут откомандированы в его распоряжение^{xxxix}.

Эта позиция аль-Гайлани еще более углубила его конфликт с муфтием, который в сентябре-октябре 1942 г. решил покинуть Германию и перебрался в Боснию, где предложил

правительству “Независимого государства Хорватия” свою помощь в деле вербовки местных мусульман в подразделения для борьбы с партизанами И. Броз Тито. За это югославское правительство в 1945 г. объявило его военным преступником и заочно приговорило к смертной казни через повешение^{xl}.

К середине осени 1942 г. наступил перелом в битве за Кавказ, а уже в октябре 1942 г. корпус “Ф” был настолько серьезно потрепан в боях, что немецкое командование высказывало серьезные опасения по поводу его боеспособности.

В январе 1943 г. корпус, несмотря на усиление его танковыми, моторизованными и кавалерийскими частями и подразделениями из 1-й танковой армии, был разгромлен советскими войсками. В конце января корпус вновь был преобразован в “Особый штаб Ф” и передан в распоряжение командованию группы армий “Дон” генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна. А в феврале остатки корпуса вместе со своим командиром были переброшены в Тунис^{xli}.

Его переброска туда была вызвана необходимостью усилить итало-немецкую группировку в Африке. Впоследствии корпус “Ф” был пополнен за счет арабов-добровольцев и ряда отдельных формирований из арабов Ирака, Сирии, Трансиордании и Ливии.

В современной исторической литературе, посвященной второй мировой войне, прочно укрепилось мнение, что корпус “Ф” и “Легион свободных арабов” (Fries Arabien Legion) – одно и то же соединение. Однако корпус “Ф” никогда официально так не назывался – этим общим названием было принято обозначать тех арабов, которые воевали под немецким командованием, отличая их от других групп добровольцев в германских вооруженных силах. Хотя в Тунисе они и находились в оперативном подчинении штаба корпуса, тем не менее это были отдельные соединения, сформированные в течение 1941 – 1942 гг. независимо от корпуса “Ф”.

Местом формирования подобных соединений следует назвать прежде всего Францию и принадлежащие ей колонии в Северной Африке.

Еще в конце 1940 г. германская служба пропаганды в арабских странах начала широко рекламировать особое отношение нацистов к мусульманам. Немцы отпустили на родину 10 тыс. солдат-арабов из стран Магриба, состоявших на службе во французской армии и попавших в плен^{xlii}.

С помощью алжирских эмигрантов немцы стали издавать в оккупированном Париже газету “Ар-Рашид”, которая помогала службе пропаганды и абверу создавать иллюзию дружеского отношения Третьего рейха к арабским народам.

С этой же целью из мусульман, проживавших во Франции, немцы сформировали “Северо-Африканский легион”, который они использовали в антипартизанских операциях. Значительное число французских мусульман также было зачислено в “Легион французских добровольцев”, отправленный в октябре 1941 г. на Восточный фронт. Там он принимал участие в немецком наступлении на Москву, а в 1941 – 1942 гг. сражался против советских партизан в тыловой зоне группы армий “Центр”. Впоследствии этот легион вошел в состав 33-й французской дивизии СС “Шарлемань”^{xliii}.

Немецкая 715-я пехотная дивизия, стоявшая гарнизоном на юге Франции, также принимала в свой состав мусульман: в экспериментальных целях ее командованием было создано подразделение под названием “Немецко-арабский пехотный батальон №845”^{xliiv}.

08.11.1943 г. началась высадка англо-американских войск в Северной Африке. Вскоре они захватили все южное побережье Средиземного моря, и только Тунис оставался под контролем государств “оси”. Для его защиты немецкое командование решило использовать и местных добровольцев. Так было создано крупное соединение, известное как “Deutsch-Arabische Lehr Abteilung” (Немецко-арабский учебный дивизион) или просто “Deutsch-Arabische Truppen”. Он находился в подчинении штаба 5-й танковой армии и насчитывал в своем составе пять батальонов, включая и батальон, вобравший в себя уже упоминавшееся “соединение №288”. В него также входил мусульманский персонал, который первоначально состоял в “Phalange Africaine” (Африканской фаланге) – добровольческом соединении, созданном правительством Виши в ноябре 1942 г. для защиты Туниса от англо-американцев^{xliv}.

Были и другие, более мелкие соединения, использовавшиеся под командой немецких офицеров для охраны тыла.

В феврале-марте 1943 г. к этим частям, как уже говорилось выше, присоединился заново сформированный корпус “Ф”.

Наконец, 15.05.1943 г. все эти соединения капитулировали у мыса Бон в составе 250-тысячной итало-немецкой группировки.

В заключение можно с уверенностью сказать, что использование арабов Ближнего Востока и Северной Африки в составе германских вооруженных сил в 1941 – 1943 гг. было процессом, имевшим множество аспектов. На наш взгляд, определяющими из них являлись два: политический и военный. Причем первый – политическое сотрудничество – заметно превалировал над вторым – военным использованием.

Один из соратников Гитлера, Г. Раушнинг, определил это сотрудничество как “тактический

способ сеяния раздора между народами Европы (прежде всего Англией и Францией) и исламскими странами”. Все остальное – это “лозунги гитлеровской пропаганды”^{xlvi}.

И действительно, военная ценность соединений, сформированных из арабов (хотя бы в сравнении с соединениями из балканских мусульман и мусульман СССР) практически равнялась нулю. Это можно объяснить тем, что немецкие войска так и не дошли до Ближнего Востока. И тем, что лидеры пронемецки настроенных арабов - великий муфтий аль-Хусейни и бывший премьер-министр Ирака аль-Гайлани - постоянно враждовали между собой, что мешало их общему делу: в составе германских вооруженных сил оказалось к 1943 г. всего около 5000 арабов, которые никак бы не смогли стать “Освободительной армией” для всего Ближнего Востока и Северной Африки.

Однако сам ход событий говорит о другом. Гитлер отлично понимал, что не может быть никакого общеарабского восстания и массового притока добровольцев, пока его армии не выйдут к Синайскому полуострову. Поэтому все политические переговоры с арабскими лидерами были чистой фикцией, попыткой использовать их авторитет для привлечения на свою сторону общественного мнения в арабском мире. В пропагандистских целях создавались и “германо-арабские соединения”.

Надо сказать, что подобным образом обстояли дела с формированием добровольческих соединений и из других народов. Так продолжалось до 1942 – 1943 гг., когда политический аспект трансформировался в военный, который стал к тому времени преобладать.

В арабском же вопросе военный аспект исчез к этому времени сам собой: в феврале-марте 1942 г. немцы были разгромлены на Кавказе и навсегда потеряли возможность прорваться с севера в Ближневосточный регион. А в мае 1943 г. ими был потерян последний опорный пункт на североафриканском побережье, и в “Легион свободных арабов” стало просто некого вербовать.

Поэтому сейчас кажется, что переговоры германских военно-политических кругов с лидерами арабского мира по поводу создания “Освободительной армии” и формирование нескольких “германо-арабских соединений” – два разных процесса. Нет. В принципе это один процесс, который в силу ряда указанных причин так и не нашел своего логического завершения.

ⁱ Румянцев Ф.Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. – М.: Международные отношения, 1972. – С. 2-3.

ⁱⁱ Ибрагимбейли Х.М. Крах “Эдельвейса” и Ближний Восток. – М.: Наука, 1977. – С. 41-42.

ⁱⁱⁱ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Исторические очерки. – М.: Наука, 1973. – Т. 1. – С. 730; Энциклопедия Третьего рейха. – М.: Локид-Миф, 1996. – С. 45-46.

^{iv} Hubatsch W. Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939-1945. Dokumente des OKW. – Frankfurt-am-Main, 1962. – S. 120-122.

^v Ibid. – S. 129-130.

^{vi} Гальдер Ф. Военный дневник. 1939-1942. – М.: Воениздат, 1968-1971. – Т.2. – С. 509-510.

^{vii} Hubatsch W. Op. cit. – S. 151.

^{viii} Концельман Г. Ясир Арафат. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 27.

^{ix} Войны второй половины XX века. – Минск: Литература, 1998. – С. 167.

^x Концельман Г. Указ. соч. – С. 27-28.

^{xi} Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. – С. 42.

^{xii} Там же. – С. 42-44.

^{xiii} Tillman H. Deutschlands Araberpolitik im Zweiten Weltkrieg. – Berlin, 1965. – S. 288.

^{xiv} Ibid. – S. 288.

^{xv} Ibid. – S. 317.

^{xvi} Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск: Русич, 1993. – С. 298.

^{xvii} Tillman H. Op. cit. – S. 354.

^{xviii} Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. – С. 131.

^{xix} Tillman H. Op. cit. – S. 357.

^{xx} Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. – С. 133.

^{xxi} Tillman H. Op. cit. – S. 360-361.

^{xxii} Hillgruber A. Hitlers Strategie, Politik und Kriegsführung 1940-1941. – Frankfurt-am-Main, 1965. – S. 140.

^{xxiii} Пикер Г. Указ. соч. – С. 397-398.

^{xxiv} Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. – С. 124-125.

^{xxv} Hubatsch W. Op. cit. – S. 134-135.

^{xxvi} Tillman H. Op. cit. – S. 256.

^{xxvii} Caballero Jurado C., Lyles K. Foreign volunteers of the Wehrmacht 1941-1945. – London: Osprey, 1995. – P. 32; Interview with an Afrikakorps Infantry Veteran. – London, 1999, January 23rd. – P. 1.

^{xxviii} Interview... - P. 1-2; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945гг. –

М.: Воениздат, 1976. – Т.3. – С. 112-113.

^{xxxix} Tillman H. *Op. cit.* – S. 315.

^{xxx} *Ibid.* – S. 316.

^{xxxi} *Ibid.* – S. 315.

^{xxxii} *Ibid.* – S. 315.

^{xxxiii} Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. – С. 149.

^{xxxiv} Военно-научное управление Генштаба. Военно-исторический отдел. Сборник материалов по составу, группировке, перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941-1945. – Вып. II. – М.: Воениздат, 1965. – С. 137.

^{xxxv} Закруткин В. Кавказские записки. 1942-1943. – М.: Воениздат, 1962. – С. 314-315.

^{xxxvi} Там же. – С. 315.

^{xxxvii} Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. – С. 151.

^{xxxviii} Там же. – С. 153.

^{xxxix} Там же. – С. 153-154.

^{xl} Войны второй половины XX века... - С. 170-171.

^{xli} Ибрагимбейли Х.М. Указ. соч. – С. 161, 246.

^{xlii} Пробуждение угнетенных. – М.: Политиздат, 1968. – С. 421-422.

^{xliii} Caballero Jurado C., Lyles K. *Op. cit.* – P. 6, 32.

^{xliv} *Ibid.* – P. 32.

^{xlvi} *Ibid.* – P. 7, 32-33.

^{xlvii} Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М.: Миф, 1993. – С. 271-272.